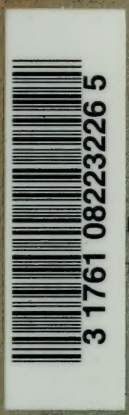


СВѢТЛА.

ный образокъ зъ житья народа

ъ спѣвами въ 3 актахъ - -

написавъ

І. Я. Луцыкъ.

(Пьеса та написана спеціяльно для „Русскихъ Дружинъ“.)

ЛЬВÔВЪ 1912.
Цѣна 50 гелерôвъ.
Накладъ „РУССКОГО СЛОВА“
Ставропигійска типографія
ньемъ М. Рефця.

PG
3948
L893D6
1912
c. 1
ROBARTS

Presented to the

LIBRARIES *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

by

PAUL MAGOCSI

ДО СВѢТЛА.

Сценичный образокъ зъ житья народа

- - съ спѣвами въ 3 актахъ - -

написавъ

І. Я. Луцыкъ.

(Пьеса та написана спеціяльно для „Русскихъ Дружинъ“.)

Gift from the library of
Dar z biblioteky
PAUL ROBERT MAGOCSI

ЛЬВÔВЪ 1912.

Цѣна 50 гелерôвъ.

Накладъ „РУССКОГО СЛОВА“

Ставропигійска типографія

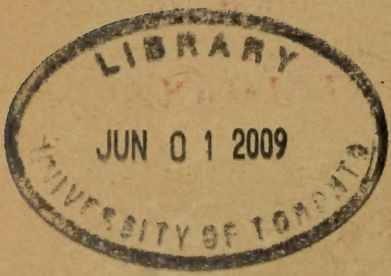
подъ управленьемъ М. Рефця.

ЛИЦЯ:

Терентій Гупало, начальникъ громады.
Опанасъ Копиця, богатый господарь.
Таця, его жена.
Оля, ихъ дочь, лѣтъ 18
Петръ Ковало, богатый господарь.
Шальвиръ, его сынокъ, прогнаный изъ гимназіи, трохи налягае на одну ногу, лѣтъ 20.
Романъ, дьякъ лѣтъ 26.
Семенъ, громадскій писарь, господарь лѣтъ 30.
Анна, его жена.
Проць, грабарь, лѣтъ 50.
Пазя, его жена.
Ицко, корчмарь.
Цапенько, гимназіястъ лѣтъ 14.
Ослюкъ, „ „ 12.

Хлопцѣ, дѣвчата, мужчины, женщины.

Дѣеся въ любôмъ селѣ, въ нынѣшну добу.



Актъ I.

(*Вôльна околиця на дорозѣ межи церковью, а селомъ. Задна стѣна представляе лѣсъ, зъ боку видно село. Недѣльный день, по вечерни*).

Сцена 1.

(*Входятъ Романъ, Семенъ и Анна*).

РОМ.: Що то значитъ ити на „впрощки“. Такѝ мы первѝ тутъ прійшли. И якъ буде Семене?

СЕМЕНЪ: Все въ порядку. Донесенье о открытью дружины написано, остемпловано, тôлько пôдписати. А пôдписôвъ хочу мати, якъ найбôльше.

АННА: Но и противники не спятъ. Въ селѣ якъ въ улію.

РОМАНЪ: Що они могутъ здѣлати; однѝ зъ нихъ темнѝ, а другѝ и глупѝ и темнѝ, а всѣ ничтожнѝ.

СЕМЕНЪ: Теперь заповѣсти хлопцямъ и дѣвчатамъ, щобы скоро кôнчили вечеру и сходилися тутъ на спѣвъ. Тутъ еще погово римо, а потôмъ..

РОМАНЪ: Потôмъ до свѣтла!

СПѢВЪ 1:

(*Романъ, Семенъ, Анна*).

Свѣтла, свѣтла въ нашу хату,
Много свѣтла мы бажаемъ,
Съ свѣтломъ смѣло на росплату,
Хочемъ жити и для того,
Шлѣтъ намъ въ хату свѣтла много.

---

*) Пьесу ту написавъ І. Я. Луцыкъ специяльно для „Русскихъ Дружинъ“.

Лучъ науки, лучъ вôдрады,
Не погасне межи нами,
Счезнутъ мраки пôдлой здрады,
Счезне горе вразъ съ врагами.
И допнемъ мы щастья того,
Лишь намъ свѣтла дайте много!

(*По спѣвѣ чути за сценою смѣхи и голосы*).

РОМАНЪ: Ого, уже и наши идутъ. (*Всѣ трое пôдходятъ до бочнои стороны, откуда чути голосы*).

Сцена 2.

(*Входятъ мужчины, женщины, дѣвчата, молодцѣ*).

СПѢВЪ 2.

(*Хоръ начинаеся еще за сценою*).

Помолилися мы Богу,
Щиро помолились,
А теперь знову въ дорогу
До дому пустились,
А тамъ дома, жде намъ мати,
Гей въ святую днину,
Ты позволь намъ погуляти
Хоть одну годину!
А мы пѣсни заспѣваемъ
Руси на потѣху,
И спокôйно повертаемъ
Подъ рôдную стрѣху.
Тожь до дому, жде насъ мати,
Всѣ за стôлъ сѣдайте,
А потôмъ тутъ погуляти
Чимъ скорше вертайте!

(*По спѣвѣ*):

РОМАНЪ: Такъ розходѣтся, борщъ ѣджте, на лыжку дуйте, хлѣбомъ закусуйте, паланицю съ собою берѣтъ, а пирогамъ не простѣтъ. За годину абы всѣ тутъ були, бо дѣло важне.

ВСѢ: Скорше еще прійдемъ!

(*Повторяютъ уходячи*):

Тожь до дому, жде насъ мати,
Всѣ за стôлъ сѣдайте,
А потôмъ тутъ погуляти,
Чимъ скорше вертайте!

Сцена 3.

(*Остаеся Семенъ и Романъ, въ ту хвилю входитъ Терентій*).

ТЕР.: А вы два бунтôвники всегда разомъ!

СЕМ.: Що робити, начальнику Коли бунтъ на добро иде, то мы не вôдъ того.

ТЕР.: Тôлько дбайте, абы бѣды зъ того не выйшло для мене! Бо що тôлько въ громадѣ зайде, за все муситъ вôдповѣсти, кто? — Вôйтъ.

СПѢВЪ 3:

(*Терентій, Семенъ, Романъ*).

Кто нещастный есть въ громадѣ,
Кто за все въ ней отвѣчае,
Кто чи радый, чи не радый,
Пôдъ параграфъ пôдпадае,
Кто виновникъ, кто опальникъ,
То начальникъ, то начальникъ!

Судъ робити, не зблудити,
Щобъ законъ все сохранився,
Съ кимъ порційку можна пити,
А кто въ дечôмъ провинився,
Щобъ не лгавъ якъ криминальникъ,
Що начальникъ—то „мачальникъ“!

Хоть есть бляха и гоноры,
То и свѣтъ менѣ не любый,
Гоноръ тамъ не дуже скорый —
Скорше влѣплятъ межи зубы.
Писарь пишѣтъ въ поминальникъ,
Що нещастный—той начальникъ!

ТЕР.: Теперь я иду до дому и въ стебло. Минувшои ночи засидѣвся у кума Опанаса и въ грѣхъ сказати, пропустили лишну черезъ горло. Вôнъ на тебе, Романе, нарѣкае. Каже: до дѣвчины сватаеся, а навѣть по звычаю водки не поставитъ. Ну, ходѣтъ если идете. (*Всѣ три уходятъ*).

Сцена 4.

(*Входятъ: Опанасъ, Таця, Ковало*).

КОВ.: И я такъ кажу: Якусь бунтацію робити въ селѣ! Мôй сынъ учився тôлько, що паны напосѣлися и выгнали его. Вôнъ знае, що то бунтъ.

ТАЦЯ: Дивѣтъ, новый писарь, новый дьякъ, новй порядки.

ОПАН.: Дѣвчатамъ въ головахъ завернулося, тфу, на таку роботу!

КОВ.: Ой дьякъ, тотъ дьякъ. А вы еще дѣвчину хочете за него дати?

ТАЦЯ: А щожъ коли оперлася, або за него, або за никого.

ОПАН.: И хлѣбъ готовый. Маетокъ у него.

КОВ.: Чи то нема другого? А вотъ мôй сынокъ, не паничъ? Що трохи штильгукае, то за то въ головѣ, якъ воробцѣвъ въ стодолѣ.

ОПАН.: Тôлько, що нероба!

КОВ.: На то есть лѣкъ. Трохи я, трохи вы, трохи жена, чи коцюбою, чи пужакомъ, а гнати до роботы.

Сцена 5.

(*Входитъ Шальвиръ, утыкае на ногу*).

ШАЛЬВ.: Здоровй були; моя шана.

ОПАН.: Якъ ся маешь, хлопче?

ШАЛЬВ.: Добре, що вы тутъ. Видите, дьякъ и писарь, то ренегаты. Они отперлися своего роду, они здрадники, они гнила колода.

ОПАН.: Где колода?

ШАЛЬВ.: Они хотятъ тутъ заводити свои порядки, а мы на то не позволимъ. Мы козаки — мы сѣчовики не допустимъ тутъ ніякои кацапскои дружины. Мы свѣдома молодѣжь, я, Цапенко и Ослюкъ. А вы, чи пôйдете съ нами?

КОВ.: Чи ты блекота наѣвся, чи упився? Плетешь за колоду, и кажешь, що ты цапъ?

ШАЛЬВ.: Вы, тату, дурнй! Писарь и дьякъ розбиваютъ громаду, за то ихъ въ арештъ возьмутъ. А мы стоимъ за старымъ ладомъ.

ОПАН.: И мы хочемъ по старому.

ШАЛЬВ.: Такъ вы съ нами! Я написавъ уже „проханье“ и заложимъ „Січ“. Згода?

КОВ.: Ходѣтъ, куме, ему вôдъ науки въ головѣ трохи зле. А може зъ роду уже

такъ. Ходѣтъ, поступимъ до мене. Добро було вчера у васъ, а нынѣ у мене. (*Выходятъ*).

Сцена 6.

ШАЛЬВ. (*самъ*): Темнота! Но пôдписати ихъ можна! Иначе пропаде наша „Січ". Встыдъ сказати, за ними все село, а нашъ гуртъ такій маленькій. Но мы выростемъ! Ахъ, вôдъ рана не видѣвъ я Олѣ. Щобы знати, що она мене любитъ! Я въ ночи спати не могу. Вчера цѣлый день писавъ я „вѣршу" для неи. Очи менѣ на верхъ лѣзли, пôтъ струями лився, но за то „вѣрша" выпала по козацки. Мушу перечитати, а тогдѣ певно, що она мене полюбитъ, а кине того запроданця Романа. (*Читае зъ картки*):

О панно Олю,
Я тебе молю,
Молю, прохаю,
Я погибаю,
Якъ ослюкъ въ полю.
Дай менѣ долю,
О, панно Олю!

А що, може не хвацько? У насъ каждый поэтъ. А кацапы що? Якійсь тамъ Пушкинъ, ну, чи вôнъ за одинъ день втне таке, га?

Сцена 7.

(*Входятъ Цапенко и Ослюкъ, оба въ студентскихъ мундирахъ*).

ЦАП.: Здоровъ отамане!

ШАЛЬВ.: Здоровй побратимы! А що въ нашôмъ куреню?

ОСЛ.: Гараздъ, батьку отамане, орле сизый!

ЦАП.! Чувъ, уже цѣлое село збунтовали. Пропадае наше Запороже

ОСЛ.: Не пропаде! Я якъ тупну ногою, то кацапня розлетится!

ШАЛЬВ.: Такихъ намъ казарлюгъ треба. Въ огонь и воду.

ЦАП.: А проханье въ староство уже есть?

ШАЛЬВ.: Все готово. Тôлько кто пôдпише!

ОСЛ.: Я первый!

ШАЛЬВ.: Не можно, козаче, ты еще молодый! Я уже маю пôдписы.

ЦАП.: А на стемпли кто дасть?

ШАЛЬВ.: И на се моя голова. Слухайте. (*Шепотомъ*): Ицко дасть. Тôлько я ему сказавъ, що треба чотыри короны. Хай дастъ псявѣра, то для насъ на тютюнъ останеся. За то его зробимъ старшиною.

ОСЛ: Штудерно ты придумавъ батьку! Бѣда зъ насъ. Я стягнувъ у матери трое яецъ, и старый песъ, мôй батько, надглянувъ и...

ЦАП. (*перебивае*: Побивъ?

ОСЛ.: Такъ трохи. Но я вырвався, утѣкъ и зъ далека погрозивъ ему кулачищемъ и крикнувъ: кацапъ!

ШАЛЬВ.: Такъ ихъ бѣсовыхъ сынôвъ учити треба. На то мы тутъ!

ОСЛ.: А кого мы выберемъ атаманомъ?

ШАЛЬВ.: Якъ то кого? Мене!

ЦАП.: Не можно, батьку, не можно!

ШАЛЬВ.: Чому?

ЦАП.: Тебе выгнали за то, що ты книжки кравъ!

ШАЛЬВ.: Овва, якъ кравъ, то у кацапôвъ! А якъ не можно мене, то кого бы? Нова бѣда!

Сцена 8.

(*Входятъ Проць и Пазя*).

ЦАП.: Добра мысль, выберемъ Проця!

ПРОЦЬ: Паничики, и вы тутъ?

ПАЗЯ: Не панята, а пацята, вчера въ мôй горохъ залѣзли.

ШАЛЬВ: Що тамъ горохъ! Тутъ о велике иде дѣло.

ПРОЦЬ: Мы мусимъ спасати честь нашои „Січи". Хочете бути атаманомъ межи нами?

ПРОЦЬ: Або я сказився, чи що?

ШАЛЬВ.: Вы того не розумѣете! Се свята справа. Заложимъ „Січ" на злôсть Романови и писарю. Ицко первый до того!

ПРОЦЬ: Якъ Ицко до того, то и я! Но забездурно не хочу.

ПАЗЯ! Еще бы!

ОСЛ.: Мы всѣ зложимось на васъ! У насъ буде своя каса!

Сцена 9.

(*Вбѣгае Ицко*).

ИЦКО: Ну, що есть?

ПРОЦЬ: Ничо нема; поставъ то буде!

ШАЛЬВ.: Все въ порядку. Тôлько, щобы Процъ пôдписавъ.

ПРОЦЬ: Я, я зъ роду не писавъ!

ИЦКО: Ты не знаешь того Процъ. То я скажу! Я тобѣ буду дати порційку за то.

ПРОЦЬ: Такъ, то друге дѣло, а тыхъ паничôвъ я не слухаю.

СПѢВЪ 4:

ШАЛЬВ., ЦАП., ОСЛ., ИЦКО:

Такъ Процуню, начинаемъ!

ПРОЦЬ (*показуе на долони, якъ числятся гроши*):

Якъ дôстанемъ, то спôзнаемъ!

ШАЛЬВ., ЦАП., ОСЛ., ИЦ.:

Такъ, Процуню, запануемъ!

ПРОЦЬ (*дае собѣ пштычка въ горло*):

Якъ тутъ лыкнемъ, то почуемъ!

ВСѢ и ПАЗЯ:

И збудуемъ „Січ“ на славу,
Въ руки возьмешь ты булаву,
До побѣды поведешь;
Долю, волю вôднайдешь!
Такъ, Процуню такъ!

ШАЛЬВ., ЦАП., ОСЛ., ИЦ.:

Дай, Процуню, дай намъ слово!

ПРОЦ.:

Ставте чарку и готово!

(*Якъ высше*):

Дай Процуню, дай намъ руку,
Дайте перше въ руку куку!

ВСѢ и ПАЗЯ:

Бо якъ штука не удастся,
То нашъ курень пôрве трястя,
Звяне славы цвѣтъ,
Якъ почуе свѣтъ,
Що, козакъ—дуракъ!

ОСЛ.: Хай жіе наша „Січ“!

ИЦКО *(пôдскакує)*: Ой вай! Ну, у мене нема часу. Ты Проць ходи до мене, я тобѣ буду щось сказати. (*Хоче ити*).

ШАЛЬВ.: Ицку, а 4 короны на штемпель!

ИЦКО: Ты принеси папѣръ, я завтра поѣду до мѣста и самъ буду дати! (*вôдходитъ*; *Проць и Пазя за нимъ*).

ЦАП.: Злодѣй жидъ, обкрадае нашу касу!

ШАЛЬВ. *(до сцены)*: Оля еще не ишла, конечно мушу я ю видѣти! (*голосно*): Идѣтъ же, добрî молодцѣ до роботы, агитуйте, розпинайтеся. У Коваля есть хлопецъ-мазуръ, его бы до нашого гурту, скажѣтъ ему, що то за „нашу и вашу вольнôсть!“ Ходѣтъ. (*Всѣ выходятъ*).

Сцена 10.

(*Входитъ Оля*).

Заговорилася я у священника и теперь сама вертаю. Що то, що еще никого нема. Не знаю, чи пождати тутъ, чи ити до дому. Тато и мама певно у Петра. Казали приходити на вечеру, але ѣсти менѣ якось не хочеся. Ахъ, щобы разъ уже завязали мы „Дружину“. А потôмъ кружокъ русскихъ дѣвчатъ, щобъ не пропадали мы въ пôтьмѣ и ночи.

СПѢВЪ 5:

ОЛЯ: Въ городѣ рожи не сади,
Въ кутѣ, где сонця нѣтъ,
Безъ сонця бо, якъ безъ воды,
Увяне скоро цвѣтъ!

Дѣвочихъ ласкъ ты не пытай!
Въ нещастныхъ доняхъ тьмы,
Ты свѣтла лучъ серцямъ подай!
Безъ него гибнемъ мы!

На нивѣ щирыхъ тыхъ сердецъ,
Надѣи цвѣтъ посѣй
Взростутъ они, тогдѣ вѣнецъ
Изъ нихъ на Русь надѣй!

(*По спѣвѣ*):

Сцена 10.

(*Входитъ Шальвиръ*).

ШАЛЬВ.: Ахъ, панно Олю, то вы?

ОЛЯ: А то ты Шальбире?

ШАЛЬВ.: Шальвиръ, панно Олю, а не Шальбиръ, бо то дуже не хороше слово.

ОЛЯ: Не поганьше вôдъ тебе. Ну, чого хочешь?

ШАЛЬВ.: Послухай тôлько, якою вѣршою розкисло мое серденько. *(Падае на колѣна, пôдноситъ одну руку на сердце, другу до горы).*

О панно Олю,
Я тебе молю,
Молю, прохаю,
Я погибаю.
Якъ ослюкъ въ полю,
Дай менѣ долю,
О, панно Олю!

ОЛЯ: Слухай же:
Слухай, ослюкъ:
Въ доли, недоли,
Въ шлеи на поли,
Где ступишь, глянешь,
Изъ Оли рукъ,
Ничь не дôстанешь,
Якъ тôлько—букъ!

А не хочешь его сейчасъ попробувати, то удирай чимъ скорше, бо Романъ надходитъ, а вôнъ не любитъ жартовати.

ШАЛЬВ. *(зрываеся скоро и оглядаеся)*: Що, Романъ? Ахъ, проклятый кацапъ! *(утѣкае)*.

ОЛЯ: И таке дрантье пхаеся межи людей!

Сцена 11.

(Входитъ Романъ).

РОМ.: Ты, Олю, перва тутъ?

ОЛЯ: И послѣдна и перва! Я довго була у священника, потôмъ послѣдна прійшла тутъ, выслухала дурницъ панича Шальбира, прогнала его и теперь перва на васъ жду!

РОМ.: Зачинаеся дѣло. Завтра везу до староства донесенье о основанью „Дружины". Чую, що Ицко также завязуе „Січ".

ОЛЯ: Нехай подавлятся. Мои родичи вчера нажаловатися не могли передъ вôйтомъ на тебе!

РОМ.: А вôйтъ?

ОЛЯ: Якъ нашъ вôйтъ! Вôнъ чоловѣкъ не дурный, тягне за правдою. Но, якъ ему перечити кумамъ?

РОМ.: Бо того боится. Що буде то буде, а намъ ничѣмъ журитися. Правда Олю?

ОЛЯ: Певно, що такъ! Темнота уже не пôднесе бôльше головы.

СПѢВЪ 6.

(*Романъ и Оля*).

Нива наша, русска нива,
Застелялася вѣками,
Бурянами, бурянами,
Градъ и туча, снѣгъ и злива—
Почву нашу пôдмывали,
Мы страдали, мы страдали!

А вотъ сонце засіяло,
Ясно, красно, чудно, счасно,
Засіяло и не згасло,
Мы до плуга, мы за рало,
Наша нива зновь вôджила,
Зародила, зародила!

И ничимъ для насъ тревога,
Стане хлѣба, всѣмъ намъ стане,
И молитва наша гряне!
По надъ хмары генъ до Бога,
Бо въ Немъ мае ходатая
Русь святая, Русь святая!

(*По спѣвѣ*):

РОМ.: На того то ходатая мы уповаемъ; Ôнъ не оставитъ насъ. А коли блысне надъ нами свѣтло просвѣщенія, тодѣ то подумаемъ мы и о нашôмъ щастью.

Сцена 12.

(*Входятъ Семенъ и Анна*).

СЕМ.: Вы уже тутъ? Залюбленй всегда обдурятъ свѣтъ и себе, що случайно встрѣчаются. Дасть Богъ и на весѣлю погуляемъ!

АННА: Чули вы, що Йцко и Шальвиръ „Січ“ заводятъ?

РОМ.: Чули; не у насъ первыхъ. Тôлько, що ту „Січ“ буде можна въ Ицковыхъ патынкахъ помѣстити! (*Въ тôмъ часѣ зъ*

всѣхъ сторонъ сходятся всѣ, якû выступаютъ въ хоръ, розмавляютъ межи собою, смѣются).

СЕМ.: Ось и будущû дружинники! (*Дѣвчата и жены громадятся коло Анны и Оли*).

РОМ.: Такъ, ничо намъ часъ тратити. Заспѣваемъ, щобы ажь лунало. Ставайте всѣ! (*Хоръ уставляеся, берутъ ноты*).

РОМ: А такъ, щобъ на сотки миль було чути! Разъ, два, три!

СПѢВЪ 7.

ХОРЪ:

„За Русь, за Русь“..

(*По спѣвѣ*):

РОМ.: А що? Хорошо у насъ иде дѣло?

СЕМ.: Певно, що такъ.

Сцена 13.

(*Входятъ: Шальв., Осл., Цап. и Проць; Ицко крыеся за ними*).

СЕМ.: Слухайте, братья и сестры! Вы вже знаете, що задумали мы основати „Русскую Дружину!“

ВСѢ: Славно, славно!

ОСЛ.: Я протестую!

РОМ.: Тихо, смерде!

СЕМ.: Зголосилося насъ стопятьдесять членôвъ! Статуты и донесенье я завтра вôдвожу до староства! Также даю знати о тôмъ въ газеты, нехай знаютъ, що и у насъ держится русскій духъ!

ОСЛ.: Я протестую!

ШАЛЬВ. (*до него*): Тихо, бо прутомъ набьютъ тебе!

СЕМ.: За мѣсяцъ буде торжественне открытье „Дружины“.

ВСѢ: Урра! Щасть намъ Боже!

РОМ.: Тôлько держѣтся, всѣ якъ одинъ!

ШАЛЬВ.: Прошу о голосъ!

ВСѢ: Не хочемъ слухати дурня, до хлѣва съ нимъ!

СЕМ.: Нехай говоритъ! Вѣтеръ понесе!

ШАЛЬВ.: Панове громадо! Вôдъ имени нашого радикально-поступового, самостôйно-свѣдомого гурту, мы, якъ то уже сказавъ козакъ Ослюкъ, протестуемъ!

ВСѢ: Ацю, до корыта неробо!

ШАЛЬВ.: Прошу, то некультурно. Мы заводимъ „Січ“, котрои отоманомъ буде козакъ Процъ.

ИЦКО (*до Проця*): Ну, свиня, иди напередъ!

СЕМ.: А ты Процю, що одурѣвъ?

ПРОЦЬ: Або я знаю! Давъ Ицко порцію, я слухаю.

ОЛЯ: Ха, ха, ха, маешь „Січ“.

ШАЛЬВ.: Кто поступовый, кто не здрадникъ, кто не кацапъ, тотъ стане съ нами. Съ нами идутъ рука въ руку другѝ народности: за жидôвъ панъ Ицко, а за поступовыхъ полякôвъ панъ Клюска, хлопецъ вôдъ коваля.

ЦАП. (*перебивае*): Еще не давъ шѣсть гелерôвъ вписового, но дасть.

ШАЛЬВ.: А я кличу словами: Хай жіе...

ВСѢ: Ослюкъ! (*Одинъ зъ хору хватае Шальвира за ковнѣръ и выкидае его*).

ШАЛЬВ.: Гвалтъ, мордуютъ!

АННА: Встыдъ, щобы такій блазенъ, злодѣй, смѣвъ передъ народомъ говорити.

Сцена 14.

(*Входятъ Опан., Таця, Ковало; по хвили Пазя*).

КОВ.: Що, моего сына бьютъ?

СЕМ.: Еще нѣ, но могутъ, если буде межи честныхъ людей нôсъ пхати!

КОВ.: Яке вамъ право до моеи дитины? Еще чого не стало!

ОЛЯ: Вы, татусю, лучше скажѣтъ ему, щобы вôнъ не соромивъ никого и не напастовавъ дѣвчатъ на дорозѣ!

ТАЦЯ: А ты тихо будь! До дому сейчасъ!

КОВ.: Такъ, всѣ розходѣтся! Я асесоръ, я приказую!

РОМ.: А мы смѣемся зъ васъ. Выпили вы, то идѣтъ своею дорогою.

ОПАН.: Чуете, зъ громады жіе, а губу роздôймае! Роспирае людскій хлѣбъ?

РОМ: Своего у мене въ двое бôльше.

КОВ.: Не слухаете? Хочете закоштувати палицѣ?

СЕМ.: Слухайте, Ковало, вы не маете права людей тревожити, чули? Иначе можно васъ спратати въ арештъ!

КОВ.: Кого мене?

СЕМ.: Васъ, васъ!

КОВ. (*до Опан.*): Чуешь, куме? Добре! За нашъ хлѣбъ, чекай, сейчасъ идемъ до вôйта.

СПѢВЪ 8.

(*Ков, Опан.*).

КОВ.: Чуешь куме, видишь, якъ?
Новый писарь, новый дьякъ!
ОБА: Громаду бунтуютъ,
Изъ всѣхъ насъ кепкуютъ.
ОПАН.: Ой такъ, куме такъ!
Новый писарь, новый дьякъ!

(*Хоръ черезъ весь часъ вторуе имъ однимъ: ха, ха, ха!*)

(*Сем. и Ром.*)

СЕМ.: Чуешь брате, видишь, якъ?
Для нихъ злый, кто не піякъ!
Хоть тьма володѣе,
Ничо намъ не вдѣе!
РОМ.: Ой такъ, брате такъ!
Щастливъ тотъ, кто не піякъ!

(*Хоръ теперь вторуе однимъ: такъ, такъ, такъ!*)

ВСѢ (*рôвночасно каждый свое*).

1. (*Опан., Ковало, Тацяя, Пазя, Ицко, Проць, Шальв., Цап., Осл.*)

Не дамося, будемъ жити,
Намъ такъ добре съ тьмою,
Такъ чи такъ прійдеся гнити,
Фляшка все горою!

2. (*Всѣ прочій рôвночасно*):

Не дамося, будемъ жити,
Правда все горою,
Не во вѣки намъ терпѣти,
И боротись съ тьмою!

(*По спѣвѣ*):

КОВ.! А я иду до вôйта по судъ и право! Бунтаціи не можно въ селѣ робити!

ИЦКО: Такъ, такъ! Проць, ты отаманъ, кричи.

ПРОЦЬ: Дай чарку, то буду кричати!

ШАЛЬВ.: И мы протестуемъ!

СЕМ.: Якъ до вôйта, то до вôйта!

КОВ.: Я вамъ покажу, кто буде въ арештѣ спати. Гей свѣдки, ходѣтъ за мною.

ВСѢ: Идемъ, идемъ.

РОМ.: Ходѣмъ всею громадою. Веселѣйше буде!

ТАЦЯ (*пôдбѣгае до Оли*): А ты дѣвко до хаты!

ОЛЯ: Нѣтъ, и я свѣдокъ!

ТАЦЯ: Показилися! (*Всѣ повторяютъ послѣдній спѣвъ, якъ перше; при послѣднихъ звукахъ занавѣсъ опускаеся*).

Актъ II.

(*Площадь передъ вôйтовою хатою*).

Сцена 1.

(*Выбѣгаютъ Шальв., Осл., Цап.*)

ШАЛЬВ.: Мы первй тутъ. Наша партія во всемъ провадитъ. Куда кацапамъ мѣритися съ нами!

ЦАП.: За Клюску ты добре сказавъ, тôлько пробрехався!

ОСЛ.: Ты бувъ у него?

ЦАП.: Бувъ!

ОСЛ.: А вôнъ?

ЦАП.: Давъ менѣ копняка!

ШАЛЬВ.: Ты запротестовавъ?

ЦАП.: Я его назвавъ кацапомъ!

ШАЛЬВ.: Держѣмся купы, а Проця не пускаймо, треба его вôднайти, вôнъ певно у Ицка! (*выходятъ*).

Сцена 2.

(*Входятъ Опан., Таця, Ков., Пазя*).

КОВ.: Скажи, куме, чи ты чувъ?

ОП.: Такъ, я куме добре чувъ!

КОВ.: Присягати обѣцяешь?

ОП.: Присягати обѣцяю — що ничого я не знаю!

ТАЦЯ: Чула куме ты публику.

ПАЗЯ: Стôлько гамору и крику.

КОВ.: Такъ значится, памятаемъ?

ОП., ТАЦ., ПАЗ.: Памятаемъ!

КОВ.: А въ потребѣ присягаемъ?

ОП., ТАЦ, ПАЗ.: Присягаемъ!

ВСѢ (*разомъ*): Що ничого мы не знаемъ!

КОВ. (*говоритъ*): Куме, мене, старого, ассесора, такій писарь хоче въ арестъ замыкати!

ОП.: Яйце хоче курку учити!

КОВ.: И то за наши гроши!

ТАЦЯ: Дѣвчину менѣ зъ розуму звели!

ПАЗЯ: Изъ Проця посмѣхалися!

КОВ.: Моего сына набили!

ОП.: Що не можно, то не можно! Еще по пыску разъ и другій, то не кажу, но за обшивку брати? Ану перервеся!

ТАЦЯ: Чому-жъ мы не будимъ вôйта!

КОВ.: Просивъ Ицко пождати, ажь вôнъ прійде!

ПАЗЯ: Вже идутъ.

Сцена 3.

(*Входятъ: Ицко, Проць, Шальв., Осл., Цап.*)

ИЦКО: Видите, до чого иде! Громаду збунтовали, водки не пьютъ, що то дальше буде?

ОПАН.: Конецъ свѣта!

ИЦКО: На що того? Кто то чувавъ? Теперь вы кажѣтъ вôйтови, щобы оно ѣхало зô мною до панъ староста и тамъ я буду казати, що я буду казати?

СПѢВЪ 1:

ИЦКО:

Що я скажу: айвай, вай!
Есть нещастье въ наше край,
Въ свое хате, хлопъ пыскате,
Хоче книжку все читати!
Кричитъ: корчму оминай!
То я кажу: ай вай вай!
Що я скажу: ахъ, ну, ну,
Я якъ зъ остре бритве втну!
На тѣ хлопскіи бунтальни,
На крамницѣ и читальни.
И на другу новину
То я кажу: ай вай, ну!

Що я скажу: ой вей миръ!
Хлопъ на жида, якъ той звѣръ.
А жидъ также хоче жити,
Та изъ шкôры всѣхъ лупити,
Хоче все вôнъ мати жиръ!
То я скажу, ой вей миръ!

(*По спѣвѣ*):

Я такъ скажу, а зой, що такъ скажу!

ОПАН.: Що то жидôвска голова!

ИЦКО: Тôлько нехай вôйтъ ѣде, бо иначе они село перевернутъ!

КОВ.: А мы не дамо!

ОСЛ.: Мы не дамо!

СПѢВЪ 2:

ВСѢ: Насъ не тронешь, насъ не злупишь,
Насъ живцемъ за дутка купишь,
Обманути насъ не можь,
Мы до жида, якъ до тата,
Всѣ идемъ, немовь телята.
Просимся: бери пôдъ ножь,
Обманути насъ не можь!
Не можь, не можь!

ОПАН.: А якъ вôйтъ насъ не послухае?

КОВ.: Муситъ!

ОСЛ.: То скинемъ его зъ вôйта!

ИЦКО: А кого выберешь?

ЦАП.: Отамана Проця!

ТАЦЯ: Будѣтъ же вôйта, коли кажутъ що лягъ спати!

ОПАН.: Якъ не спати; мы-жъ вчера здорово лизнули!

ПАЗЯ: Начинайте-жъ.

ВСѢ: Гей, начальнику, вставайте, громада зове!

СПѢВЪ 3 (*всѣ*):

Выходѣтъ же пане вôйте!

ВÔЙТЪ (*за сценою*):

Люде, вы ся Бога бôйте!

ВСѢ:

Мы не можемъ бôльшь чекати.

ВÔЙТЪ:

Я такъ дуже хочу спати!

РАЗОМЪ:

Добре спати, рѣчь солодка,
Нôчь хоть тепла, но коротка!
Може доля вамъ (мнѣ) приснится,
Спи, кому лишь добре спится!

ВСѢ:

Мы васъ просимъ, пане вôйте!

ВÔЙТЪ (*якъ попередно*):

Хочь хвилину, тамъ постôйте!

ВСѢ:

Мы вже ждали, ждалки зъѣли!

ВÔЙТЪ:

Ахъ, щобъ громы васъ побили!

РАЗОМЪ:

Добре спати, рѣчь солодка,
Наша нôчка не коротка
Може доля намъ приснится,
Намъ вѣками добре спится!

Сцена 4.

(*Гâ самâ, выходитъ вôйтъ съ палицею*).

ВÔЙТЪ: Чого вамъ, и заснути не дасте чоловѣкови.

ИЦКО: Пане начальникъ, бунтъ!

ВÔЙТЪ: Где?

ИЦКО: Въ селѣ! Дьякъ и писарь оба собѣ сказило. И такъ вамъ громаде бунтуе, такъ бунтуе!

КОВ.: Слухай куме! Писарь сказавъ, що мене на нôчь до арешту замкне.

ВÔЙТЪ: Тамъ мое сѣно, можно добре спати!

КОВ.: Мене ассесора до арешту, що?

ОП.: Я самъ чувъ!

ТАЦЯ: И я чула!

КОВ.: Шальвиръ, ходи тутъ! (*Шальв. пôдходитъ до него*). Видите, вôйте, моего сына били! (*Шальв. вôдходитъ на свое мѣстце*).

ПАЗЯ: Процю, ходи тутъ! (*Проць пôдх.*) А моего Проця ганьбили, насмѣхалися изъ него. Такъ, Процю?

ПРОЦЬ: Я не памятаю, но якъ такъ, то такъ!

ИЦКО: А тото „Дружина". На що оно? Га? Вы, вôйте съ нами завтра до мѣста, нехай ихъ всѣхъ замкнутъ! Иначе менѣ бѣда, вамъ бѣда, всей громадѣ бѣда!

КОВ: Писаря до арешту замкнѣтъ, а завтра нагонѣтъ изъ писарки. Чуете?

ВÔЙТЪ (*голосно позѣхающй*): Га?

ТАЦЯ: Дьяка нагонѣтъ также!

ОСЛ: А я именемъ нашого клюбу протестую противъ кацапского порядку.

ВÔЙТЪ: И ты смарколизе также? Кто-то менѣ говоривъ, що ты кукурудзу ломивъ, чекай, кажу я присяжному, щобы тобѣ завтра давъ десять прутôвъ. (*Ослюкъ хильцемъ утѣкае*).

ИЦКО: Ну, що будемъ робити? Пôйдете?

ВÔЙТЪ: Иду! (*Хоче ити*).

КОВ.: Кудажь вы идете?

ВÔЙТЪ: Спати!

ИЦКО: Якъ то спати? Мы вамъ не дамо спати!

ЦАП.: Мы протестуемъ.

СПѢВЪ 4.

Що мы видимъ, що мы чуемъ,
Где то маемъ записати?
Що начальство хоче спати,
Противъ того протестуемъ!

Якъ начальство, то начальство,
Обдирай насъ до живого,
Ганьби довго, а и строго,
Однакъ спати—то зухвальство!

Где потреба—прижмурися,
Наставъ руку съ осторожна!
Помастися—такъ то можна!
Однакъ спати не берися.

Що мы видимъ, що мы чуемъ,
Где то маемъ записати,
Що начальство хоче спати,
Противъ того протестуемъ!

ВÔЙТЪ (*самъ*):

Протестуйте! Вамъ бы знати,
Що ся творитъ скрôзь мѣжь нами,
Все начальство спитъ вѣками,
И по вѣки буде спати!

Чого вы мене розбудили?

ИЦКО: Якъ, чого?

КОВ.: Чуете, писаря пôдъ арестъ!

ВÔЙТЪ: На мое сѣно? Вôнъ мае свое!

ИЦКО: То вы такъ дбаете за громаду?

ОСЛ.: Клади палицю, другого выберемъ!

ВÔЙТЪ: Процю, возьми но того смерда, на свое обôйстье и дай ему десять прутôвъ!

ОСЛ.: Протестую! (*Хоче утѣкати. Процъ хватае его и тягне за собою*).

ПРОЦЬ: Начальникъ приказуе, ходи небоже! (*За сценою чути тихій, чимъ разъ голоснѣйшій спѣвъ гимна: Пора, пора!*)

ИЦКО: Чуете?

ВÔЙТЪ: Спѣваютъ, бо молодû!

КОВ.: Такъ вы, вôйте, противъ насъ?

ВÔЙТЪ: Якъ противъ васъ? Вчера мы разомъ забавилися! (*За сценою въ перервѣ спѣву чути голосъ Ослюка*: Ой, болитъ!)

ЦАП. (*до Шальв*): За Украину страдае!

ИЦКО: То я самъ буду ѣхати!

Сцена 5.

(*Съ спѣвомъ входятъ Романъ, Сем., Анна, Оля и хоръ. По укôнченю спѣву*):

СЕМ.: Пане начальнику, асесоръ приказавъ намъ тутъ ити на судъ; мы и прійшли.

ВÔЙТЪ: Якъ уже судъ, то судъ! Кто кого позывае?

КОВ.: Я!

ТАЦЯ: Я!

ПАЗЯ: Я!

ШАЛЬВ. (*до Цап.*): Кричи: я!

ЦАП.: Нема дурныхъ, я еще вчера вôдъ батька набравъ, нынѣ не хочу.

ВÔЙТЪ: Кого позываете?

КОВ.: Я писаря.

ТАЦЯ: Я дьяка.

ПАЗЯ: А я всѣхъ, тôлько себе, Проця и Ицка нѣ.

ВÔЙТЪ: А за що?

СПѢВЪ 5.

КОВ.:

За бунтъ! Тутъ писарь провинивъ
Мене въ арестъ взяти хотѣвъ!

ТАЦЯ:

А дьякъ дитину звѣвъ зъ ума,
Отъ тутъ она—кажи сама!
Еи спросѣтъ!

ПАЗЯ: Мене спросѣтъ!

КОВ.: Мене спросѣтъ!

ТАЦЯ: А цытъ, а цытъ!

КОВ., ТАЦЯ, ПАЗЯ:

Я до васъ ся не мѣшаю,
Я що знаю, повѣдаю,
Пащекуе, якъ за водку,
Замкни губу на колодку!

ВÔЙТЪ: Замовчѣтъ!

Годѣ знати, не згадати,
Що вôдъ чого начинати,
Лучше всего приказати
Всѣмъ въ солому ити спати!

ХОРЪ (*всѣ*):

Нѣтъ, пѣтъ, нѣтъ,
Вы судѣтъ!
Кто тутъ виненъ покарайте,
Кто не виненъ, понехайте,
Похвалѣтъ,
И судѣтъ!

Не хочемъ соломы, по що тутъ солому,
Безъ суду не пôйдемъ, не пôйдемъ до дому.

(*По спѣвѣ*):

ВÔЙТЪ (*говоритъ*): А кто тутъ розбереся межи вами! (*Ослюкъ держачися руками за то мѣстце, где звычайно бьютъ, утѣкае черезъ сцену и кричитъ*).

ОСЛЮКЪ: Я протестую! (*Утѣкае*).

СЕМЕНЪ: Пане начальнику, я вамъ все розскажу вôдъ початку, а потôмъ пôйдемъ спати!

СЕМЕНЪ:

Мы правды хочемъ, бôльшь ничого
Не треба намъ,
Божь кривды мы нажили много,
На стыдъ врагамъ!
Мы свѣтла хочемъ, кажемъ смѣло,
Да буде свѣтъ!
Щобъ лекше всѣмъ намъ тутъ ся жило,
Днесь свѣтла нѣтъ!
Науки хочемъ, наши дѣти
Страдаютъ тутъ,
И хлѣба лучшого вкусити
Имъ не даютъ!
Мы права хочемъ, тожь пôдъ Богомъ,
Мы всѣ живемъ,
Своего права за порогомъ,
Мы тôлько ждемъ!
Мы того хочемъ, щобъ не дерти
Изъ насъ сѣмъ кожь.
А днесь? Спокôйно и померти
Намъ тутъ не можь!
Мы того хочемъ, щобъ бувъ ясный
Надъ нами зводъ,
Щобъ бувъ всѣмъ славный, честный,
[щастный,
Нашъ русскій родъ!
Знаете, чого мы хочемъ?

ВОЙТЪ: Въ тôмъ я не виджу ничо злого!

ИЦКО: Якъ то нѣ?

СЕМ.: Мовчи жиде, не твое тутъ мѣстце!

ИЦКО: А то „дружине“, то не бунтація?

РОМАНЪ: А ты не хочешь съ Процемъ заводити такои самои бунтаціи?

ИЦКО: Що то за бунтаціи? То забавка не бунтація! Що такій Проць побунтуе? А тй, тй паскидники, що оно знае? Оно дурне!

ЦАП.: Я протестую!

СЕМ.: Мы що робимъ, то по закону. Зôбралася молодежь, спѣвае, никто не мае

права ей перечити, тожь день есть и вôйтъ позволивъ.

ВÔЙТЪ: Я позволивъ!

СЕМ.: А чи асесоръ, чи не асессръ не чѣпай спокôйныхъ людей!

ТАЦЯ: А дѣвчину не збаламутили, га? До хаты не хоче ити!

РОМАНЪ: Кто тамъ ю баламутитъ! Никому не снилося еи баламутити. Нехай она сама скаже.

СПѢВЪ 6:

(*Романъ и Оля*).

РОМ.: На злу я хиба дорогу
Тебе не вѣвъ и не веду!
Скажи сама!

ОЛЯ: Кленуся Богу!
Свидѣтеля я въ Немъ найду!
На грѣхъ и подлôсть ôнъ негодный,
Ото спросѣтъ тутъ честныхъ всѣхъ.

РОМ.: А путь любови все свободный,
Любити щиро—то-жъ не грѣхъ!

РАЗОМЪ:
Спокôйно скажемъ всѣмъ до ока,
Если на судъ насъ кто зове;
Въ любови нашой нѣтъ порока,
Она така во вѣкъ буде!

ВÔЙТЪ: И въ тôмъ не виджу ничо злого. Чого-жъ вы Тацю хочете. Вы забули, якъ васъ покôйна мати коцюбою била, коли вы за Опанасомъ дурѣли!

ОПАН.: Е хе, хе! Правду кажете начальнику!

ВÔЙТЪ: Розбудили чоловѣка, спати не дали, а такъ и нôчь проминеся. Вы, куме Ковало, скажѣтъ собѣ пропало; розбудили, то теперь и гостити мусите. Вы, пане писарь не будьте горячка, кумъ бувъ выпившій, арештомъ ему не грозѣтъ, ему то не новина. Вы Тацю, скорше весѣлье робѣтъ, щобы мы дячиху мали. А вы молодѝ бунтаціи менѣ не робѣтъ, бо я того не хочу. Намъ жити розумно, умно, Господа благословити, на Русь памятати.

ОСЛ. (*изъ за сцены выставляе голову*): Протестую!

ВÔЙТЪ: Процю!

ОСЛ.: Ой! (*ховаеся*).

ВÔЙТЪ: Якъ паны въ мѣстѣ позваляютъ, то на головѣ идѣтъ, тôлько, щобы печатку на то мати. Чуете?

ВСѢ: Чуемъ!

КОВ.: Якъ такъ, то такъ, уже пôйдемъ, куме вôйте, поснѣдаемъ.

ВÔЙТЪ: То у мене розумне слово, изъ вечера начинати снѣданокъ. Такъ же знайте и слухайте. Всѣ менѣ спати!

СПѢВЪ 7:

ВÔЙТЪ: Нôчь настала, спати часъ!

ХОРЪ:

Ой хочь, чи не хочь,
Коли каже, мусимъ прочь!

ВÔЙТЪ: Жде робота завтра насъ!

ХОРЪ:

Ой часъ, чи не часъ,
Жде робота завтра насъ!

ВÔЙТЪ: Кажде серце, кажда грудь,
На молитву не забудь!

ХОРЪ (*тихесенько*):

На молитву не забудь!

(*Молитва*; *хоръ*):

Всевышній Боже, нôчь насъ крые
И ангелъ сна на всѣхъ зôйде,
Никто згадати не зъумѣе,
Яка судьба насъ завтра жде!

Однакъ спокôйно усыпляемъ,
И тымъ солодкій сонъ есть намъ,
Що мы на Тебе уповаемъ,
Бо Ты Владѣтель всѣмъ судьбамъ!

Конецъ другого акту.

Актъ III.

(*Сцена така сама, якъ въ второмъ актѣ. Недѣля, послѣ вечерни. Лѣтній день*).

Сцена 1.

ПРОЦЬ (*трохи пôдпитый, выходитъ изъ за кулисъ*): Ицко каже: роби параду, а я кажу: якъ буде могорычъ то буде и твоя собача „Січ", а не буде могоричъ, то не буде ничъ. Даромъ бы хотѣли! Нема дурныхъ. Нынѣ за все треба платити.

СПѢВЪ 1:

Кто днесь хоче въ свѣтѣ жити,
Вѣкъ вести хорошій,
За все муситъ заплатити
Ôнъ готовй гроши!

Прійдешь въ лавку, очи видятъ
А кешени плачутъ,
Свисни мудро, якъ не слѣдятъ,
То и перебачутъ!

Въ корчмѣ также за шматырку
Заплатити мусишь,
Безъ грошей лѣзь въ поневѣрку,
Не выпьешь, не вкусишь!

На выборахъ скôлько хочешь,
Тягнешь до остатка,
Кишку лупишь, рыло мочишь,
А въ додатку пятка.

Безъ грейцара въ конецъ свѣта
Вѣкъ намъ не хорошій,
Злодѣй лишь, и Хрунь Микита
Тй живутъ безъ грошей!

(*По спѣвѣ*):

Сцена 2

(*Вбѣгае Пазя*).

СПѢВЪ 2:

ПАЗЯ: Чи ты Процю впився,
Чи ты не сказився,

Чи ты може, мôй небоже,
Блекоту объѣвся.

ПРОЦЬ: Чи ты одурѣла,
Чи розольку пила,
Чи ты може, гей небоже,
Дурна ся родила.

ПАЗЯ: (*Разомъ*): ПРОЦЬ:

Идешь ты до хаты,
Пора тобѣ спати,
Пора до роботы,
Пянюзѣ ставати.

Не пôйду до хаты,
Я хочу гуляти,
И хрунемъ по вѣки,
Я хочу ся звати!

(*По спѣвѣ*):

ПАЗЯ: Тфу на тебе!

ПРОЦЬ: Не такй на мене плювали, а я жію! На свою маму плюнь! Знаешь, що нынѣ парада! Я отаманъ.

ПАЗЯ: Иди страхопуде, иди! Бодай я була на очи тебе не видѣла. (*Выбѣгае*).

Сцена 3.

ПРОЦЬ (*самъ*): Ктобы тамъ бабы боявся! Нехай ихъ громы бьютъ; а я бы выпивъ таки. Якъ не дадутъ цѣлои фляшки, то не пôйду.

Сцена 4.

(*Вбѣгае Ослюкъ*). Процю, отамане нашъ, а гдежь ты пропадаешь?

ПРОЦЬ: Стою собѣ тай думаю, чи ити спати, чи до вечери сѣдати.

ОСЛ.: Процю, тажь днесь похôдъ, днесь завязка „Січи“, днесь живый протестъ противъ кацапôвъ. А вы жъ голова до всего.

ПРОЦЬ: За бездурно ничо не буде. Заплати небоже! Ты еще могоричу не поставивъ за то, що я тобѣ тогдѣ тôлько девять палиць давъ. За то кажда була здорова.

ОСЛ.: Що тамъ дурне напоминати, я запротестовавъ и конецъ. Процю, идѣтъ!

Сцена 5.

(*Входятъ: Шальвиръ и Цапенко*).

ШАЛЬВ.: Що за порядокъ! Идѣтъ же, Процю, Ицко жде тебе; тамъ уже и фляшка есть и закуска, нынѣ кто за нами, то Ицко за нимъ!

ПРОЦЬ: Якъ такъ, то иду! (*Выходитъ*).

Сцена 6.

(*Тû самû, безъ Проця*).

ШАЛЬВ.: Ажь, козацке серце бьеся въ моей груди, якъ то выпаде!

ЦАП.: Я не боюся ничо. Коли народъ увидитъ нашъ стягъ, то пôйде лавою за нами.

ОСЛ.: А еще и гостина у Ицка!

ШАЛЬВ.: А що Клюска не хоче до насъ пристати?

ЦАП.: Я уже хотѣвъ его приняти безъ вписового и не хоче!

ОСЛ.: Зацофанецъ, кацапъ! Бѣсъ матери его!

ШАЛЬВ.: Такъ, ходѣмъ до нашого куреня и готовѣмся до походу и побѣды! (*Всѣ вôдходятъ*).

Сцена 7.

(*Входитъ: Вôйтъ, Ков., Оп. и Таця*).

КОВ.: И що то, вôйте, выйде изъ того?

ВÔЙТЪ: Ничо злого! Печатку маютъ, паны дозволили, значится можна!

ОПАН.: А вы позволяете? Вôдъ чого же палиця!

ВÔЙТЪ: Одна палиця на всѣхъ за мала! Я и радый, що не волочатся по селѣ и въ корчмѣ порожно. Уже менѣ надоѣвъ тотъ Ицко.

ТАЦЯ: Бо злодѣй! Где не поступитъ, тамъ и оцыганитъ.

КОВ.: И нынѣ также що то начинае. Каже, що дôставъ въ староствѣ печатку. Просивъ на гостину. Мôй хлопецъ що-то задумавъ.

ОПАН.: Пустота и конецъ!

ВÔЙТЪ: А щожъ вы съ Романомъ поладили?

ТАЦЯ: Мусимъ, дѣвчина наперлася, що-жъ робити?

ВÔЙТЪ: А где-жь вамъ лучшого найти, що?

КОВ.: Чому нѣтъ? А мôй Шальвиръ?

ВÔЙТЪ: Не говорѣтъ пустого! Нероба зъ него! Щобы разъ до войска взяли!

КОВ.: Не возьмутъ, бо на одну ногу за короткій!

Сцена 8.

(Входитъ Семенъ).

СЕМ.: Вы тутъ начальнику? Хорошо! Знаете, що такого свята у насъ не було. Пріѣхали священники и гости, гдеякй ажь изъ Львова. Вечеромъ въ читальни всѣ соберемся. Теперь изъ церкви перейде „Дружина“ селомъ поклонитися вамъ и просити, щобы вы стали на еи чолѣ.

ВÔЙТЪ: И стану! А кто бы не желавъ добра своей громадѣ?

СПѢВЪ 3.

ВСѢ: Дѣти наши, рôднй дѣти,
Вы насъ дѣти, не судѣте,
Мы не зрячй, бо въ неволи
Выростали, якъ крôпъ въ поли.
Выростали и страдали,
Сонця, свѣтла не видали,
Мы, якъ дичка та безплодна,
Вы, якъ щепа многородна!

Дѣти наши, Богъ будь съ вами!
Не гордѣте вы отцами!
Мы часами хоть и згрубимъ,
Русь однакъ мы щиро любимъ!

Русь мы любимъ, мы готовы,
Ей дати остатокъ крови,
Жизнь и душу положити,
Купно съ вами, наши дѣти!

(По спѣвѣ):

СЕМ.: Вотъ уже и чути, що идутъ. Я имъ пôйду на встрѣчу. *(Выходитъ).*

ВÔЙТЪ *(до хаты):* Гей, подайте тамъ, що я приказавъ. *(Изъ за сцены подаютъ ему на пôдносѣ, накрытôмъ ручникомъ, хлѣбъ и сôль, вôйтъ знимае шапку, всѣ другй также. За сценою чути):*

СПѢВЪ 4.

ХОРЪ:

Предкôвъ могилы открыйтесь нынѣ,
Най стрепенеся прахъ ихъ святый,

Най присмотрятся „Русскôй Дружинѣ“,
По Руси чути гомôнъ новый:

Бодро и смѣло, бо грудь при груди,
Съ знаменемъ Руси впередъ идемъ,
Знаемъ, що ждутъ насъ тысячнй труды,
Мы лишь по трудахъ побѣды ждемъ!

Славу и волю, все намъ забрали,
Глянешь на Галичъ, въ около сумъ;
Мы не въ роспуцѣ; при насъ остали
Серце и воля, руки и умъ!
Съ ними до славы дôйдемъ и силы,
И вѣритъ каждый, кто Руси сынъ!
Що въ свѣтлôй нашôй побѣды хвили
Русь одна буде, якъ Богъ одинъ!

Сцена 9.

(*Въ половинѣ спѣву входятъ члены дружины съ прапоромъ и лентами. Веде ихъ Романъ. За ними идутъ дѣвчата. Командою Романъ уставляе ихъ передъ вôйтомъ*).

СЕМ. (*выступае впередъ*): Начальнику громады! „Русская Дружина“ нашои громады несе тобѣ и всѣмъ громадянамъ свôй поклонъ. Наша цѣль: въ хвиляхъ нещастья гасити огонь. А друга наша цѣль: роздувати огонь въ власныхъ сердцяхъ, но огонь любови до святои Руси! Сынами русскои стрѣхи гордѣли довго, теперь мы хочемъ показати, що сынъ тои стрѣхи достоинъ найвысшого почитаня за его честноту, за его трудъ, за его честь и его велику любовь до всего, що мае на цѣли добро всего чоловѣчества. Мы хочемъ бути примѣромъ всѣмъ сосѣднимъ громадамъ. Покланяемся тобѣ, начальнику, за то, що ты не перечишь намъ ити дорогою поступа и просимъ, веди насъ нею. Нехай живе наша громада и еи начальникъ! Урра!

ВСѢ: Урра, урра, урра! (*Прапоръ похиляеся*).

ВÔЙТЪ: Я дякую вамъ! Идѣтъ доброю дорогою, на яку вы поступили, а Богъ дасть намъ дожити, що и та хлопска стрѣха буде процвѣтати щастьемъ. Мы, отцы и матери, радуемся и гордимъ вами, що вы любите

Бога, Русь, що почитаете родителей, що вы тверезй, трудящй, що рветеся до науки. Такими нехай будутъ всѣ русскй дѣти! На щастье вашои „Дружины“ витаю васъ хлѣбомъ и солью! *(вôддае Семену)*.

ХОРЪ:

Славу и волю—все намъ забрали и т. д. *(до кôнця)*.

РОМАНЪ (*командою удѣляе дружинѣ позволенье розвйтися*): Отпôчнѣтъ хвилинку, а потôмъ пора до читальни. (*Всѣ росходятся*).

ТАЦЯ: Господи, якъ то хорошо!

ОПАН.: Дуже хорошо, правда! Якъ яке войско. И то все наши дѣти! Дай имъ Боже всего добра!

КОВ: А Романъ, якъ якій капитанъ!

ВÔЙТЪ: Славно! Вечеромъ еще красше буде.

Сцена 10.

ПАЗЯ (*котра незамѣтно выйшла, вбѣгае*): Идутъ, другй идутъ. (*Многй смотрятъ имъ на встрѣчу и смѣются*).

РОМ.: Дорогу зробѣтъ!

Сцена 11.

(*Входятъ: Ослюкъ, несе на тычцѣ папѣръ съ надписью: „Січ“, за нимъ Проць съ макогономъ въ руцѣ, за нимъ Шальвиръ, Цапенко, Ицко, за нимъ двое жиденятъ. Все въ лентахъ. Всѣ остановляются передъ вôйтомъ*):

ВÔЙТЪ: А то що, гамане вухесъ, чи що?

ШАЛЬВ.: Громадо! Мы не запроданцѣ! Мы справдешнй козаки, мы не такй темнй, якъ вы...

КОВ.: Мовчи дурню!

ВÔЙТЪ: Що вы подурѣли! На выгонъ дурневъ гнати! (*Збивае палицею надписъ*). Хочете, абымъ вамъ приказавъ своимъ судомъ влѣпити по десять букôвъ! Изъ очей менѣ!

ИЦКО: Мы маемъ печатку!

ПАЗЯ (*стае передъ Процемъ*): И ты изъ себе давъ дурня зробити? (*выдирае ему макогонъ и бье по плечахъ*). Маешь то ôтъ мене. (*Ковало хватае Шальвира за ухо и палицею,*

Ицко утѣкае, жиденята за нимъ съ крикомъ: айвай! Цапенко утѣкае).

ОСЛЮКЪ (*изъ за кулисы*): Процю, Шальвире, протестуйте. (*Утѣкае*).

ВÔЙТЪ: Уже конецъ съ „Січею". Теперь, братья, абы мы не повстыдалися передъ гôстьми. Тамъ уже наши хозяйки все устроили. А ты, Процю, менѣ не напійся, щобы ганьбы не було! Слава Богу, що все въ порядку. (*Романъ командою скликуе дружину. уставляются*).

СПѢВЪ 5:

ВÔЙТЪ: Съ Богомъ дѣло мы начали!
Съ Богомъ дѣло и пôйдетъ!
ХОРЪ: Счезнулъ тй, що насъ ковали,
Счезне злоба, счезне гнетъ!
ВÔЙТЪ: Слава Руси засіяе,
ХОРЪ: Правда вступитъ за порогъ,
Свѣтъ увидитъ и спôзнае,
Що за нами Господь Богъ!

(*Потôмъ — Маршъ Дружинъ*).

(*Занавѣсъ паде.*)

Конецъ.